

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

СТРУКТУРА ТЕКСТА ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

Вопрос о структуре ПСГ имеет довольно обширную историографию. Н. В. Калачов в рецензии на первое издание Грамоты отметил отсутствие в ней системы изложения, свойственное, по его мнению, и другим древнерусским памятникам: ПСГ — это «сборник отдельных узаконений, практических постановлений и судебных решений, сделанных в разное время и тогда же записанных», но впоследствии не раз отредактированных.¹

Предположение о хронологическом порядке расположения статей ПСГ было принято большинством исследователей и долгое время господствовало в науке. И. Е. Энгельман находил, что «отсюда открывается возможность определить, какие именно статьи... принадлежат к первоначальным пошлинам и какие суть позднейшие приписки».² Таким образом, структура памятника оказывается непосредственно и механически связанной с историей его текста. «Точкою разграничения» между «старинными пошлинами» и «новыми приписками» Энгельман считает ст. 77, так как, во-первых, многие «статьи второй части служат дополнением соответствующих им статей первой части», во-вторых, во второй части встречаются прямые ссылки на «псковские пошлины» (чего нет в первой). Исходя из этого, Энгельман видит в статьях 1—76 «первоначальную» часть ПСГ, а в статьях 77—120 — вторую, или «дополнительную», часть, причем последняя в свою очередь делится на два «отдела»: статьи 77—108 — «прямые дополнения к отдельным статьям первой части», статьи 109—120 — «не столько дополнения отдельных статей, сколько всей вообще грамоты; они представляются в виде совершенно отрывочном и не имеют никакой прямой связи ни между собою, ни со статьями предшествующими».³

¹ Калачов Н. В. Рец. на: Псковская Судная грамота, изданная Мурзакевичем. — Москвитянин, 1848, № 2, с. 169—171.

² Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855.

³ Там же, с. 8.

Против предложенного Энгельманом деления ПСГ выступил Н. Л. Дювернуа. Он отверг самый принцип такого деления («не в этих двух половинах, а по всей грамоте замечается постоянное возвращение к одним и тем же предметам») и привел ряд соответствующих примеров. В ПСГ вообще нет «нигде никакой группировки и никаких заглавий», т. е. фактически никакой системы.⁴ Сборник составлялся «мало-помалу», но как законодательный акт был принят одновременно и в целом. Дювернуа высказался против механического связывания структуры текста ПСГ с историей ее складывания: «Необходимо... отличать вопрос о постепенном накоплении приписок... от вопроса о формальном признании всего сборника в силе закона»; «следы постепенности приписок очевидны на каждом шагу. Но это только следы, только признаки элементов, из которых составлялось целое». В то же время он допускал, что «при составлении целой грамоты составители могли очень точно держаться подлинников».⁵

По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, в ПСГ «явны следы хронологического наслоения содержания»; при этом «более ранние статьи, отмененные или измененные последующими, удержаны, однако, в грамоте» (в качестве примера приводятся статьи 50 и 82). В составе ПСГ Владимирский-Буданов различал три части: статьи 1—76, 77—108, 109—120; каждая из этих частей начинается «учредительными законами (о составе суда)».⁶ Таким образом, в понимании структуры ПСГ Владимирский-Буданов остался в основном на позициях Энгельмана.

Исследователем, уделившим в XIX в. наибольшее внимание изучению структуры ПСГ, был П. Н. Мрочек-Дроздовский. Считая, что в основу ПСГ была положена грамота кн. Александра Михайловича — «кодекс первых местных дополнений и изменений общерусской Правды», Мрочек-Дроздовский разделил все остальные статьи на «дополнения» и «повторения» основного свода. Статьи, включающие только «дополнения», он называет «приписками». Где впервые встречаются «повторения», там кончается свод приписок к Александровой грамоте и начинается текст второй грамоты — Константиновой. «Приписки» же начинаются с такой статьи, «которая по предмету отличается от предшествующей и вместе с тем дополняет какую-либо из прежде записанных. Руководствуясь этим принципом, он выделяет «первую грамоту», она охватывала статьи 1—35. В этой части памятника Мрочек-Дроздовский видит относительную цельность и делит ее на восемь тематических разделов. Основной принцип систематизации — институтивное начало, однако оно отчасти перемешивается с нача-

⁴ Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. М., 1869, с. 296.

⁵ Там же, с. 294—296.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб., Киев, 1899, с. 97.

лом формальным (по форме вчинания тяжбы). Система первой части ПСГ «свидетельствует о присутствии руководящей и объединяющей мысли законодателя».⁷

Вторая часть ПСГ — это приписки к первой (статьи 36—63). Здесь различаются как собственно дополнения, так и новые самостоятельные статьи. К первым относятся статьи 36, 38, 62, дополняющие раздел о займе; статьи 46, 47, 54—57 и близкая к ним ст. 60, дополняющие раздел о краже; статьи 48 и 59, дополняющие статьи о вызове в суд и об устройстве суда.

Новыми являются ст. 37 (о судебном поединке); статьи 39—45 («целый ряд статей... посвящен договору найма или закупничества»); статьи 49, 50 (о пошлинах княжеским чиновникам). Есть и дополнения к этим новым статьям: статьи 51 и 63 — к законам о найме; ст. 52 — к закону о судебном поединке; статьи 53, 58, 61 — по отдельным вопросам.⁸

Третья часть ПСГ начинается со ст. 64 и представляет собой «Константинову Грамоту», или «вторую пошлину». Она состоит в основном из дополнений к первой грамоте: к законам о вызове в суд (статьи 64—67), о судебном представительстве (статьи 68—71, дополнение к ст. 58), о завещании (ст. 72), к статьям о займе (статьи 73—74), к отделу о закупничестве (статьи 75—76); заключением третьей части являются статьи 77—80.⁹

Таким же образом рассматриваются и классифицируются IV часть — приписки к грамоте Константина (статьи 81—108) и V часть — приписки ко всему своду (статьи 109—120).¹⁰

Развивая метод анализа структуры ПСГ, намеченный в работах Н. Н. Мурзакевича, Н. В. Калачова и И. Е. Энгельмана, П. Н. Мрочек-Дроздовский создал разработанную и детальную схему структуры памятника, которая, однако, страдает формализмом.¹¹ С рядом определений Мрочек-Дроздовского трудно согласиться. Почему, например, статьи 68—71 рассматриваются как дополнение к ст. 58, а не как самостоятельный и важный текст? Почему ст. 72 отказывается в самостоятельном значении, в то время как такое значение приписывается ст. 80? Список таких далеко не бесспорных квалификаций можно значительно увеличить. Однако необходимо признать, что общий характер струк-

⁷ Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. — Юридический вестник, 1884, № 5—6, с. 103—109.

⁸ Там же, с. 109, 110.

⁹ Там же, с. 111—112.

¹⁰ Там же, с. 112—116.

¹¹ Критикуя методику П. Н. Мрочек-Дроздовского, Л. В. Черепнин верно отмечает, что «повторение предшествующей статьи вовсе не служило указанием на грань между припиской к более раннему источнику и началом следующего по времени. Оно указывает на то, что кодификатор черпает содержание сразу из двух источников: отступает временно от одного, делает вставку из другого и, снова возвращаясь к первому, повторяет то место из него, на котором прервал изложение» (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. I. М., 1948, с. 437).

туры памятника, состоящего из тематических разделов и отдельно стоящих статей — постановлений, связанных или не связанных с тематическими разделами, уловлен Мрочек-Дроздовским верно.

Основной недостаток схемы не в ней самой, а в тех выводах, которые делает ее автор из своих наблюдений над структурой памятника. Главная предпосылка Мрочек-Дроздовского — текст, раз записанный, в дальнейшем уже не подвергается изменениям, а только дополняется новыми статьями. Никакого редактирования ПСГ, следовательно, не было, и памятник полностью и без изменений донес до нас и древнейшую «грамоту», и новейшие приписки (сделанные, по Мрочек-Дроздовскому, в 1467 г.). Эта мысль, ничем не подтвержденная автором, дает ему возможность механически выделять из текста ПСГ грамоты Александра и Константина, приписки к каждой из них и к обеим вместе и т. п. Между тем сама Грамота в ст. 108 прямо говорит не только о возможности изменения своего текста, но и о порядке его изменения. Следовательно, если даже считать, что статьи 1—35 восходят к какой-то подлинной древней грамоте, нужно по меньшей мере признать, что до нас дошла отнюдь не сама грамота как таковая и не выписки из нее в их первоначальном виде, а только те статьи ее, которые сохраняли свое значение и не были позднее отменены вечно. Относительная структурная цельность и логичность этой первой части Грамоты, верно подмеченная Мрочек-Дроздовским, может свидетельствовать только о позднейшем редактировании ее и не иметь никакого отношения к первоначальной «грамоте Александра». Найдя верный подход к структуре текста ПСГ, Мрочек-Дроздовский не сумел найти такой же подход к истории этого текста, в чем сказались известная ограниченность и статичность историко-юридической мысли конца XIX в.

Если И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов и П. Н. Мрочек-Дроздовский при изучении структуры ПСГ исходили всецело из дошедшего до нас текста, то уже издатель ее Н. Н. Мурзакевич, а вслед за ним Ф. Н. Устрялов высказали предположение о возможности перемещения листов ПСГ.¹² Поводом для такого предположения послужил логический разрыв после ст. 76, естественным продолжением которой является, казалось бы, текст статей 84—87. Позднее эта мысль была развита П. Е. Михайловым. По его мнению, памятник начинался с текста ст. 2; после ст. 5 или статей 77—83, которые не были дописаны переписчиком, оставившим в тексте пробел; ст. 84 следует непо-

¹² Мурзакевич Н. Н. Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Одесса, 1847, с. 1, прим. 2; с. 12, прим. 24; Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855, с. 124, 134.

средственно после ст. 76.¹³ В глазах Михайлова текст ПСГ потерял каноническую стабильность и неподвижность; замеченные им логические перепады и повторения этого текста он попытался объяснить исходя не из структуры существующего памятника, а из чисто логических соображений, предложив такую перестановку текста, которая эти перепады исключает. Этим самым он положил начало принципиально новому подходу к структуре текста ПСГ. Этот подход (который можно условно назвать логически смысловым, в отличие от формально-структурного подхода Энгельмана и Мрочек-Дроздовского) нашел свое дальнейшее развитие в трудах М. К. Рожковой, Б. Б. Кафенгауза и Л. В. Черепнина.

По мнению М. К. Рожковой, древнейшая часть ПСГ — это статьи 109—120. По содержанию и терминологии эта часть наиболее архаична; о времени ее возникновения может свидетельствовать помещение этих статей в Синодальном сборнике среди известий начала XIV в.¹⁴ Первая, основная часть — статьи 1—60; она выделена по признаку известной тематической последовательности и отсутствия повторений. Следующие 6—7 статей тематически связаны с первой частью и относятся приблизительно к одному времени с ней. Вторую часть образуют статьи 58—107, отражающие другой взгляд на право, свойственный более поздней эпохе. Суть этого более позднего взгляда, который Рожкова находит в статьях 58, 62, 68—70, 97 и др., в усилении формального начала и роли государственных учреждений в ущерб юридической самостоятельности частных лиц и остатков родового быта.¹⁵ Статьи 77—83 — вставки более позднего происхождения.¹⁶ Вопрос о структуре ПСГ получил у Рожковой новую постановку и новое содержание. Структура текста памятника в схеме Рожковой уже не отражала механически разные этапы его составления: наиболее ранними оказываются статьи, записанные в конце Грамоты, в других ее частях наблюдаются одновременные вставки. Так проявилось стремление трактовать структуру памятника под углом истории его текста. Тем не менее текст Грамоты в построениях Рожковой сохраняет определенное композиционное единство, причем признается наличие известной систематизации.

По-иному подошел к тексту Грамоты Б. Б. Кафенгауз. Исходя из мысли, что расположение статей в дошедшем до нас памятнике отражает, с одной стороны, кодификаторскую работу псковских властей, неоднократно дополнявших (может быть, и редак-

¹³ Михайлов П. Е. Новые данные для комментария ПСГ. — Изв. ОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 2, с. 132—139.

¹⁴ Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. М.—Л., 1926, с. 35—36.

¹⁵ Там же, с. 17—19.

¹⁶ Там же, с. 28.

тировавших) текст, с другой стороны, ошибки писцов, имевших дело с весьма ветхим оригиналом,¹⁷ он поставил перед собой задачу восстановления «первоначального» порядка размещения статей Грамоты. Тем самым вопрос о структуре памятника Кафенгауз сформулировал совсем иначе, чем все его предшественники; его интересует не дошедший до нас реальный текст Грамоты, а его оригинал, в настоящее время не существующий и никому из исследователей не известный. Для реконструкции этого оригинала Кафенгауз использовал два метода: во-первых, «изучение логических разрывов» текста и «явной сшивки не связанных между собой мест», во-вторых, сопоставление размеров выделяемых таким образом отрывков с установленным им размером листа подлинника ПСГ.¹⁸ В результате проделанной реконструкции Кафенгауз предлагает следующий порядок статей: 1—5, 77—83, 64—71, 6—19, 28—33, 45—50, 20—27, 34—44, 51—63, 72—76, 84—108, 109—120.¹⁹ Дополнительным аргументом в пользу такой перестановки является сравнение с Судебником 1497 г., в котором порядок статей 47—52 и 54 соответствует предлагаемому помещению статей 20—27 после 45—50 (отсюда делается вывод, что составители Судебника 1497 г. имели текст ПСГ, в котором порядок статей отвечал предложенной реконструкции).²⁰

Нельзя не согласиться с автором реконструкции, что «предложенные перемещения делают более последовательным изложение ПСГ».²¹ Такое «последовательное изложение» является необходимым и неизбежным следствием самого метода реконструкции, примененного Кафенгаузом. Выделенными им смысловыми отрывками ПСГ он оперирует, соединяя, разъединяя и меняя их местами в зависимости от того, что ему представляется более логичным и сообразным; можно ли удивляться, что в результате получается действительно логически выдержанная система статей?

В отрывке статей 77—83 32¹/₂ строки; таково же, по подсчетам Кафенгауза, расстояние между большинством крупных пробелов в рукописи. «Очевидно, таковы были размеры листа (с оборотом) того оригинала, с которого списывал писец».²² В основу этого предположения положена, очевидно, мысль, что пробелы появляются на краях листа, которые ветшают раньше, чем средние части. Мысль эта сама по себе более или менее справедлива, однако она отнюдь не подкрепляет гипотезу Кафенгауза о размере листа оригинала. Лист портится с краев, но портится

¹⁷ Кафенгауз Б. Б. О происхождении и составе Псковской Судной грамоты. — ИЗ, 1946, т. XVIII, с. 297—298.

¹⁸ Там же, с. 300—302.

¹⁹ Там же, с. 305.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 306.

²² Там же, с. 299.

с обеих сторон, поэтому расстояние между наиболее ветхими частями оригинала (которым, по предположению, соответствуют пробелы в нашей рукописи) должно соответствовать размерам не листа с оборотом, а листа без оборота, т. е. одной страницы оригинала. Следовательно, если применить методику Кафенгауза, получится, что на основании расстояния между пробелами размер листа (с оборотом) оригинала был не 30—32 нынешних строки, а 60—64 строки.²³ Тогда окажется, что писец, перепутавший место отрывка статей 77—83, переписал не весь лист (что было бы логично и объяснимо), а только половину листа — одну его сторону. Где же вторая сторона этого листа?

Привлечение Судебника 1497 г. не может служить хотя бы частичным аргументом в пользу реконструкции по двум причинам. Во-первых, нет никаких бесспорных доказательств, что статьи 47—52 и 54 этого памятника заимствованы именно из ПСГ, а не из какого-либо другого источника; во-вторых, даже при заимствовании текста вовсе не обязательно точное сохранение его расположения при составлении совершенно нового по существу кодекса, которым является Судебник.

Эти недостатки носят второстепенный, технический характер и не определяют существа реконструкции Кафенгауза. Существо же это заключается в том, что Кафенгауз сконструировал (создал) принципиально новый памятник, структура которого не имеет ничего общего с известным нам текстом, называемым Псковской Судной грамотой (за исключением статей 84—120, которые автор, по собственному признанию, не нашел, куда переместить).²⁴ Рассматривая реально существующий текст как результат случайного перемещения листов невнимательным переписчиком, Кафенгауз тем самым снимает в принципе вопрос о наличии какой-либо системы в Грамоте.

Большое внимание структуре текста ПСГ уделил Л. В. Черепнин, тесно связав эту структуру со сложной историей текста ПСГ, которую он пытается проследить на разных ее этапах. Наиболее древним разделом Грамоты он считает статьи 1 и 109—120, это «Правда» Александра Невского.²⁵ Статьи 7—13, 20—27, 34—37, 46—50 он рассматривает как единый судебный устав и приписывает его кн. Александру Михайловичу Тверскому.²⁶ Особым уставом являются также статьи 14—19, 28—33, 38—41, 45, это своего рода торговый устав Пскова.²⁷ Все эти части Грамоты возникли до конца XIV в. и были соединены в 1397 г., когда

²³ К такому выводу пришел и И. И. Полосин (Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV, вып. 3, с. 117).

²⁴ «Нелегко найти этому разделу какое-либо другое место в тексте Грамоты» (Кафенгауз Б. Б. О происхождении..., с. 305).

²⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. I, с. 439.

²⁶ Там же, с. 443.

²⁷ Там же.

и возникла первая редакция ПСГ, дополненная статьями 21 и 36.²⁸ Ко второй редакции (1417 г.) относятся статьи 52—71, 101—107.²⁹ Третья редакция (1435—1440 гг.) включала статьи 72—74, 88—92, 94—100.³⁰ Статьи 3—5 и 77—83 в своем теперешнем виде — результат переработки старого текста, сделанной в 1480-х гг.,³¹ статьи 42—44, 51, 63, 75, 84—87 — это отрывки какого-то цельного устава о «непосредственных производителях»; к этому же уставу относились, вероятно, и изъятые в 80-х годах статьи о смердах.³²

Таким образом, в основе Грамоты лежит ряд уставов, возникших в разное время и независимо друг от друга, но впоследствии объединенных и неоднократно отредактированных. В своем нынешнем виде Грамота представляет собой соединение раздробленных кусков этих уставов, потерявших внутреннюю связь и композиционное единство.

Большой заслугой Черепнина является интерпретация истории ПСГ на фоне общерусской действительности и с привлечением гораздо более широкого, чем у его предшественников, круга источников. Однако гипотеза о княжеских уставах, как основе ПСГ, не имеет непосредственной опоры в самом тексте Грамоты. Малоубедителен, например, такой аргумент в пользу существования особого устава кн. Александра Михайловича: «Трудно предположить, чтобы его 10-летнее княжение во Пскове не оставило никаких следов в виде юридических памятников».³³ Остается невыясненным и вопрос, почему статьи уставов оказались перемешанными и заняли свои теперешние места в Грамоте.

Если для Л. В. Черепнина и Б. Б. Кафенгауза порядок статей в существующей рукописи не имеет никакого значения, при реконструкции эти статьи совершенно свободно переставляются в зависимости от общеисторических, юридических или просто логических построений и догадок исследователя, то И. И. Полосин в своем комментарии к учебному изданию ПСГ поставил принципиально другую задачу: «Не переставлять с места на место... отдельные статьи, не ломать памятника, а, сдувая пыль веков, бережно обнаружить его структуру и содержание, его метод, форму и профиль... увидеть документ в таком виде, в каком он был задуман и составлен в XIV в., а не в том виде, в каком его угодно видеть ученому XX в.»³⁴

По наблюдениям Полосина, ПСГ — это сборник, построенный в принципе в прямом хронологическом порядке.³⁵ Однако этот

²⁸ Там же, с. 444.

²⁹ Там же, с. 445.

³⁰ Там же, с. 446.

³¹ Там же, с. 426—428.

³² Там же, с. 432, 433.

³³ Там же, с. 443.

³⁴ Полосин И. И. Псковская Судная грамота, с. 3.

³⁵ Там же, с. 130.

порядок зачастую нарушается: одни статьи («вставка») «забегают вперед» (статьи 5, 10, 27, 34, 35), другие («выписки») отстают (статьи 88—95, 99—107, 109—120); в отличие от почти всех исследователей, начиная с П. Е. Михайлова, И. И. Полосин отвергает попытку переставить на другое место группу статей 77—83.³⁶ ПСГ — своеобразный музей псковских древностей, в ее статьях нельзя искать попредметной связи между собой (как это делал П. Н. Мрочек-Дроздовский) и объединять их по этому признаку. Перейти к «анатомии», т. е. к установлению структуры ПСГ, можно только с учетом последующей новой редакции частично устаревших статей (например, статьи 93 и 107).³⁷ Представляя себе ПСГ как результат хронологически последовательного наслоения статей (связанных с той или иной редакцией), Полосин тем самым предопределяет решение вопроса о структуре памятника: какой-либо системы как таковой в ПСГ не оказывается.

Новейший комментатор ПСГ А. А. Зимин не дал развернутой концепции структуры текста памятника, высказав, однако, принципиально важное положение: «Выдержки из псковских законов, представленные сохранившимся Воронцовским списком, составлены довольно хаотически и не отражают первоначальное расположение материала в псковском законодательном кодексе».³⁸ Таким образом, Зимин фактически присоединился к мнению Кафенгауза, отрицая авторитетность дошедшего до нас расположения статей Грамоты.

Одна из главных причин большого разнообразия мнений о структурной композиции ПСГ — принципиально разный подход исследователей к существующему тексту. Историки-юристы XIX в. рассматривали Грамоту прежде всего как юридический памятник и стремились вскрыть юридический смысл его постановлений. Недостатком такого подхода было отсутствие мысли о возможности переработки текста Грамоты в ходе исторического развития (что мешало поставить вопрос об истории текста памятника). Однако у такого подхода была и положительная сторона — бережное, уважительное отношение к дошедшему до нас тексту, которое не допускало никаких «реконструкций», перестановок и домысливаний.

Новейшие исследователи подходят к ПСГ как к историческому источнику и ставят прежде всего вопросы о ее происхождении и истории ее текста. Для ответа на эти вопросы привлекается обширный общеисторический материал, а также методы терминологического, лингвистического и палеографического анализа. Научная плодотворность и перспективность такого подхода бесспорны. Однако он чреват и известными опасностями. Если ста-

³⁶ Там же, с. 143.

³⁷ Там же, с. 131.

³⁸ ПРП, вып. II, с. 285.

рые исследователи подменяли вопрос об истории текста Грамоты вопросом о ее структуре, то новейшие демонстрируют противоположное явление — структура существующего текста в их построениях совершенно растворяется, уступая место более или менее остроумным гипотезам о первоначальных этапах складывания памятника.

Представляется, что в интересах полноценного и всестороннего изучения Грамоты следует по возможности избегать обеих крайностей. Наблюдения над структурой не должны подменять собой изучение истории памятника; в свою очередь это последнее не может заменить непосредственного изучения дошедшего до нас реального текста. Структура существующего текста и история его складывания — два разных вопроса, имеющих относительно самостоятельное значение в рамках исследования памятника в целом.

Ставя здесь вопрос о структуре ПСГ, я присоединяюсь к мнению тех исследователей, которые с теми или иными оговорками признают наличие в этом памятнике определенной системы изложения. В пользу такого мнения говорит основной источник — сам текст Грамоты. Текст этот состоит из статей, либо сведенных в группы (разделы) по тематическому признаку, либо представляющих собой отдельные постановления на те или иные темы (связанные или не связанные с тематикой разделов).

Сложность вопроса в том, что группировка статей и соотношения между ними далеко не во всех случаях являются бесспорными.

Говоря о наличии или отсутствии «системы» в ПСГ, надо прежде всего иметь в виду некоторую условность такой постановки вопроса. «Система» — это расположение материала по определенному принципу. Но этот принцип не всегда может улавливаться нами: необходимо учитывать особенности древнерусского юридического мышления.

Ошибка большинства буржуазных историков-юристов XIX в. заключалась в том, что единственной возможной системой юридического мышления они считали ту, которой придерживались сами. Не находя этой системы в ПСГ, они отрицали в этом памятнике вообще всякую систему. Между тем система юридического мышления и приемы кодификации — категории исторические. Характер мышления древнерусских юристов имеет свою более или менее выраженную специфику, но отнюдь не является по природе своей алогичным и иррациональным. Древнерусская юридическая мысль не отделена от нас непроходимой пропастью. Это один из закономерных этапов эволюции правовых представлений русского общества, один из необходимых моментов развития нашего отечественного права. Отражая реально существующие общественные отношения, древнерусское право в основе своей рационально, логично и объяснимо. Оно может быть в принципе исследовано методами марксистской исторической науки.

В этом смысле структура древнерусского юридического текста имеет существенное значение. Она является одним из источников не только для изучения истории текста памятника, но и для характеристики приемов кодификации и осмысления материала древнерусским юристом.

К числу наиболее очевидных можно отнести группировку первых двадцати пяти статей рукописи (статьи 1—35 изданий). На относительную композиционную стройность данной части памятника обратил внимание еще П. Н. Мрочек-Дроздовский. Эта часть памятника состоит из семи (по Мрочек-Дроздовскому) или восьми тематических разделов: об основах судостройства ([1—3], статьи 1—6),³⁹ о тяжчайших уголовных преступлениях ([4], [5], статьи 7, 8), о земельной собственности ([6—8], статьи 9—13), о движимом имуществе ([9—15], статьи 14—19), о бое и грабеже ([16—18], статьи 20—27), о ссуде ([19—24], статьи 28—33), о татьбе ([25], статьи 34, 35).⁴⁰

Обращает на себя внимание, что суд о важнейшем виде собственности (земельной) идет впереди всех других вопросов, непосредственно после законов о судостройстве и о преступлениях, караемых лишением живота. В то же время надо отметить, что разделы о гражданском и уголовном праве перемежаются друг с другом. Причина этого, надо полагать, в том, что в самой процедуре суда по этим делам не было существенной разницы; спор о соблюдении, например, как и иск о бое и грабеже, решается в конечном счете присягой и поединком — ср. статьи [15] и [18] (статьи 18 и 47). Отсутствие принципиальной разницы между судом по уголовным и судом по гражданским делам — характерная черта средневекового права.⁴¹

Но систематические разделы на этом не кончаются. Статьи [26—28] (статьи 36—38) образуют новый раздел — об исках по доскам. В отличие от П. Н. Мрочек-Дроздовского думаю, что в ст. 36 не обязательно видеть только дополнение к статьям о займе, она посвящена относительно самостоятельному сюжету об иске, кончающемся поединком. Ст. [27] (ст. 37) может служить ее естественным продолжением, ст. [28] (ст. 38) разбирает тему об исках по доскам в особом случае — когда речь идет о торговых деньгах.⁴²

³⁹ Цифра в квадратных скобках означает порядок статей в рукописи ПСГ. — См.: Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 85—103.

⁴⁰ Весьма характерно, что аналогичное место статьи о земельных тяжбах занимают и в Новгородской Судной грамоте.

⁴¹ В Двинской уставной грамоте 1397 г. статья о переорании межи расположена между сюжетами о бое на пиру и о татьбе.

⁴² В новейшей литературе на специфику постановки вопроса в ПСГ о торговом кредите (в отличие от простого долга) обратила внимание А. Л. Хорошкевич (Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV—XV вв. — История СССР, 1977, № 2, с. 127 и др.).

Статьи [29—31] (статьи 39—41) и [32—35] (статьи 42—45) образуют, как верно заметил Мрочек-Дроздовский, раздел о зависимых людях, наймигах и изорниках, и расчетах с ними.

Статьи [36] и [37] (статьи 46, 47) составляют раздел о купле движимого имущества.

Статьи [38—41] (статьи 48—50) — раздел, посвященный представителям среднего и низшего звена судебной администрации.

Таким образом, первая треть статей рукописи (что соответствует статьям 1—50 изданий) довольно четко делится на 11—12 тематических разделов, не перебивающих и не пересекающих друг друга. М. К. Рожкова права, отмечая во всей этой части памятника относительное структурное единство. Разделы, как правило, состоят из двух и более статей рукописи; отдельные статьи почти не встречаются (по делению рукописи — это только ст. [25]).

Тематическую группировку можно проследить и в следующей части статей памятника.

Так, статьи [46] и [47] (статьи 55, 56) связаны единством темы о значении показаний «добрых людей», статьи [49]—[50] (статьи 58—59) — раздел о поддержании порядка на судебных заседаниях и об особых должностных лицах, назначаемых для этой цели; статьи [55—58] (статьи 64—67) — раздел о приставах; статьи [59—62] (статьи 68—71) ограничивают право тягаться и пособничать; статьи [64—66] (статьи 73, 74) — раздел о гостинце.

Однако наряду с этими разделами, посвященными относительно самостоятельным и новым темам, после ст. [41] (ст. 50) все чаще появляются статьи, не связанные с окружающими, а также касающиеся сюжетов, рассматриваемых в тематических разделах, но стоящие отдельно от них. К числу таких статей можно отнести статьи [42]—[43] (статьи 51, 52), [44] (ст. 53), [48] (ст. 57); [51] (ст. 60), [52] (ст. 61), [53] (ст. 62), [54] (ст. 63), [63] (ст. 72), [67]—[68] (статьи 75, 76). Таким образом, композиционная структура этой части памятника (от ст. [42] до ст. [69], статьи 51—76) заметно отличается от предыдущей, хотя тематические разделы не исчезают, они постоянно перебиваются отдельными постановлениями на разные темы.

Ст. 76 взята в качестве условной границы этой части потому, что именно этой статье придавалось особое значение почти всеми исследователями, изучавшими структуру ПСГ. Около этой статьи, по мнению Энгельмана и Владимирского-Буданова, кончалась первая часть грамоты, по мнению Мрочек-Дроздовского, — вторая. Косвенно к аналогичному мнению присоединился и Полосин, окончивший здесь свою «восьмую редакцию» ПСГ. Следующий далее отрывок статей 77—83 рассматривается почти всеми новейшими исследователями (за исключением Полосина) как вставка, оказавшаяся не на месте, а старые исследователи начинают

с этих статей очередную (II или III) часть Грамоты. Если эти статьи действительно являются «вставкой», то они должны по композиции или содержанию более или менее существенно выделяться из своего окружения; если с них начинается новая часть Грамоты, то эта часть должна чем-то по структуре или тематике отличаться от предшествующей.

В пользу мнения о «вставке» обычно приводятся два основных аргумента: во-первых, статьи 77—83 связаны тематически не со своим окружением, а продолжают тему статей 1—5, тогда как статьи 84—87 непосредственно продолжают тематику статей 75—76; во-вторых, ст. 84 связана со ст. 76 грамматически словом «також», подобная же связь у ст. 77 со ст. 5.

Надо признать, что первый из этих аргументов малоубедителен. После ст. [41] (ст. 50) повторы и возвращения к старым темам — явление обычное. Так, статьи [42] и [43] (ст. 51) по существу продолжают тему статей [32—35] (статьи 42—44) — о расчетах с изорником; ту же тему продолжает и ст. [54] (ст. 63); ст. [48] (ст. 57) говорит о приставках, а статьи [55—58] (статьи 64—67) возвращаются к тому же сюжету; ст. [52] (ст. 61) связана со статьями 1—5 не меньше, чем статьи 77—83. Относить статьи 77—83 к началу памятника по сюжетному признаку можно не с большим основанием, чем относить туда же и ст. 61 или соединять вместе статьи 42—44, 51, 63, 75—76.

Итак, сюжетная близость статей во второй части Грамоты далеко не всегда соответствует их соседству в тексте памятника и сама по себе не может служить оправданием попытки их искусственного сращивания.

Труднее отвести второй аргумент. Действительно, слово «також» как нельзя лучше, казалось бы, связывает соответственно статьи 76 и 84, 5 и 77. Но достаточен ли сам по себе этот аргумент для того, чтобы оправдать перестановку текста статей 77—83 на новое место после ст. 5?

Как мы видели, первая часть Грамоты, в отличие от второй, обнаруживает определенное структурное единство. Перестановка статей 77—83 после ст. 5 это единство полностью нарушает, причем только в том разделе, куда они переставлены, т. е. в разделе об основах судебной организации. К этому разделу тянет, в сущности, только ст. [70] (ст. 77); уже ст. [71] (статьи 78—79, первая половина) говорит о другом сюжете — о низших представителях судебной администрации и о частных вопросах их деятельности (поездка на межу с сотскими, чтение грамот). По сюжету и терминологии эта статья настолько отличается от первого раздела, что исключает возможность своей искусственной трансплантации на новое место. Зато статья по тем же показателям вполне близка и к ст. [72] (вторая половина ст. 79), и к ст. [74] (ст. 81), близка она и к группе статей [75—77] (статьи 82—83). Все эти рядом стоящие статьи образуют раздел о княжих людях и их доходах и носят, в отличие от ст. [70] (ст. 77), не принци-

пиально декларативный, а практически конкретный характер. По существу от них недалеко и ст. [73] (ст. 80), говорящая о доходах самого князя тоже в конкретном, практическом плане. Таким образом, отрывок статей 77—83 вовсе не представляет собой единого целого с точки зрения содержания, а делится по крайней мере на две части — ст. [70] (ст. 77) и статьи [71—77] (статьи 78—83); ст. [70] (ст. 77) стоит здесь в этом отношении явно особняком. Если исходить из содержания и грамматических связей («також»), то к ст. 5 можно пересадить только эту одну статью, а не весь отрывок в целом. Но такая пересадка, во-первых, не решает вопроса о соединении ст. 76 со ст. 84, во-вторых, разрывает грамматическую связь между статьями 77 и 78, которая определяется тем же словом «також» (в ст. 78) и в данном случае вполне реальна и достоверна: статьи действительно стоят рядом. Таким образом, сложная вивисекция над текстом отрывка статей 77—83 не только не улучшает чтения текста, но, напротив, приводит к новым, трудно разрешимым проблемам. Бесспорных оснований для производства такой мучительной операции во всяком случае нет, ввиду чего лучше оставить текст в покое и читать его так, как он читается в памятнике, признав при этом, однако, что не все вопросы, связанные с этим текстом, могут быть нами удовлетворительно разрешены. К числу таких вопросов необходимо отнести действительно труднообъяснимые слова «потому ж» в ст. [70] (ст. 77) и «також» в ст. [78] (ст. 84).

Говоря о первом из этих вопросов, нужно иметь в виду, что ст. [70] (ст. 77) идет после явно дефектного (бессмысленного) текста «... а сочит псковским...». Какой-то текст был испорчен (утрачен?), вероятно, еще при составлении протографа Воронцовского списка (аккуратный и добросовестный писец Воронцовского сборника уже ничего не заметил, для него тут не было никаких неясных чтений); можно высказать предположение, что к недошедшей части этого испорченного текста и относится «потому ж» ст. [70] (ст. 77).

Слово «також» в ст. [78] (ст. 84) относится, по всей вероятности, к тексту ст. [69] (ст. 76) и имеет характер ссылки на этот предыдущий закон. Норма ст. [78] формировалась по аналогии с нормой ст. [69] и под влиянием ее; но из этого еще не следует с необходимостью, что эти статьи должны стоять в памятнике непременно рядом.

Все эти далеко не бесспорные умозаключения являются, разумеется, не более, чем «догадкой». Они, конечно, не означают, что необходимо в принципе исключить возможность действительных ошибок писца, в частности перепутывания им листов и т. п. Такие ошибки, без сомнения, возможны, и нет никакой гарантии, что они не допущены именно в данном случае (как и в каком-нибудь другом листе рукописи). Сравнение списков Пространной Правды свидетельствует, что писцы ее нередко допускали перестановки статей, сокращения их, перефразировку, за-

мену терминов, вставку новых и опущение старых слов и т. п. Составитель того же Воронцовского сборника (или его протографа) привел такой текст Правды, который заметно отличается от других списков того же вида этого памятника: он опустил около 25% статей, переставив многие другие.⁴³

Не исключено, что аналогично поступили и с текстом ПСГ в ветхом протографе Воронцовского списка. Мне только хотелось показать, что мнения об ошибках писца (в частности, в данном случае) далеко не бесспорны и не могут быть безоговорочно приняты как основания для «творческой работы» над текстом Грамоты.

Во всяком случае статьи [71—77] (статьи 78—83) составляют раздел о княжих людях и их пошлинах; статьи [78—82] (статьи 84—87) — об изорниках (независимо от того, как решается вопрос об их связях с предыдущим разделом на эту тему, статьи 75—76).

Статьи [83—88] (статьи 88—91) — это раздел о наследстве мужа и жены; статьи [89] и [90] (статьи 92, 93) — отдельные постановления об иске по доскам и о злостном должнике.

Статьи [91]—[92] (статьи 94—95) — о братьях, живущих «в одном хлебе».

Статьи [93] и [94] (статьи 96—98) связаны общей темой «головщины».

Все дальнейшие статьи носят характер самостоятельных постановлений или записей отдельных норм, не связанных друг с другом. На этом фоне выделяются только статьи [105]—[106] (ст. 108), определяющие порядок исправления ПСГ, и статьи [110—112] (ст. 112), связанные общей темой о штрафах за домашнюю птицу.

Таким образом, после ст. 76, считающейся многими исследователями важной структурной границей, композиция памятника принципиально не меняется. После этого рубежа обнаруживаются тематические разделы, подобные таковым в предыдущих частях памятника, и, как и раньше, они перебиваются отдельными статьями.

Более важным композиционным рубежом оказывается ст. [94] (ст. 98), заканчивающая последний тематический раздел о головщине: после нее тематические группы фактически исчезают.

Итак, с точки зрения структуры текста, Грамота распадается на три более или менее выраженные части. Первая часть — статьи [1—41] (статьи 1—50) — характеризуется господством текста систематизированного, т. е. сведенного в тематические разделы, отдельных статей здесь почти нет.

Для второй части — статьи [42—94] (статьи 51—98) — характерно сочетание систематизированного и несистематизирован-

⁴³ Воронцовский сборник БАН, 34.2.31, л. 171 об.—182; ср. «Правда Русская», т. I. М.—Л., 1940, с. 368—369, 371—390.

ного текста. Тематические разделы охватывают около трех четвертей общего числа статей этой части, но они нередко возвращаются к сходным сюжетам и постоянно перебиваются отдельными самостоятельными статьями.

Третья часть — статьи [95—120] (статьи 99—120) — характерна полным господством несистематизированных статей.

Как видим, степень систематизации материала явно убывает по мере приближения к концу памятника.

Такая особенность — специфическое свойство ПСГ. Пространная Правда его не знает. Ее статьи расположены в более или менее систематизированном порядке до самого конца; последняя часть Правды — Устав о холопах — отличается даже большей композиционной цельностью, чем большинство других разделов памятника. Закон Судный Людем пространной редакции также сохраняет единство композиционных принципов во всем своем тексте, оно нарушается только в самом конце памятника вследствие приписки трех русских статей.

Постепенное понижение степени систематизации текста ПСГ не может быть объяснено ошибками писца, именно закономерность этого понижения снижает вероятность такого предположения. Это явление не может быть объяснено и особенностями мышления средневекового кодификатора, группировавшего и располагавшего статьи не так, как это сделал бы юрист XIX—XX вв.; против такого предположения говорит сам факт разной степени систематизации. Объяснение такого феномена можно искать только в истории текста Грамоты.⁴⁴

А. А. З И М И Н

ДВОРОВАЯ ТЕТРАДЬ 50-х ГОДОВ XVI в. И ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА БОЯРСКОЙ ДУМЫ И ДВОРЦОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Публикация в 1950 г. полного текста Дворовой тетради 50-х годов XVI в. позволила исследователям отчетливо представить себе состав государева двора середины XVI в.¹ Однако историю формирования состава Боярской думы и дворцовых учреждений в этот период без специального текстологического анализа памятника уяснить очень трудно, а подчас практически

⁴⁴ См.: Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 67—68.

¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950.